УДК 334.73.01

А. Ю. Давыдов

Е. Д. Максимов-Слобожанин — теоретик и организатор кооперативного дела в России

К XXI в. кооперативная традиция забыта российским обществом почти напрочь. В лучшем случае вспоминаются кооперативные квартиры советского периода, экзотические эксперименты времен М. С. Горбачева или постперестроечные кооперативные ларьки. Нашим современникам трудно представить, что в первые десятилетия XX в. кооперативные процессы выступали ведущим фактором общественного движения. По относившемуся к 1909 г. компетентному суждению видного устроителя отечественной кооперации Евгения Дмитриевича Максимова (литературный псевдоним — М. Слобожанин), «кооперативное движение является в настоящее время самым сильным движением в среде трудящихся масс... движение пошло вглубь, в народные массы». Он же видел в «самопомощи» (так еще называлась кооперация) прежде всего «одно из средств улучшить людскую общественность вообще и экономические отношения в частности и тем самым поднять нравственную личность»[1]. Существенную причину взлета названного движения обнаруживаем в подвижнической деятельности людей, проникнутых идеей «самопомощи». Организаторы, обладавшие высокими деловыми и волевыми качествами, сумели сделать популярной и привлекательной идею хозяйственной самоорганизации трудящихся.

В наши дни Е. Максимов не принадлежит к числу известных исторических личностей. Историкам предстоит по достоинству оценить его вклад в процесс кооперативного строительства и в теорию отечественного артельного дела. В защищенной в 2000 г. докторской диссертации, темой которой была история

отечественной кооперации, о таком вкладе автор упоминает лишь вскользь[2]. В 2002 г. в издательстве Белгородского университета вышла в свет книга, в которой содержится общий обзор некоторых сфер деятельности Максимова[3]. Между тем главным делом его жизни была кооперация. Он стоял в одном ряду с такими корифеями русской кооперации, как А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев, М. Л. Хейсин. В первые десятилетия XX в. Евгений Дмитриевич пользовался большой популярностью, его идеи воплощались в жизнь, но впоследствии были почти забыты. В данной работе предпринимается попытка всесторонне представить роль Е. Максимова в развитии российской «самопомощи». История последней до сих пор отличается методологической непроясненностью по причине нечеткости определения места отдельных крупных теоретиков и практиков в ее эволюции.

Е. Максимов родился 18 апреля 1858 г. в г. Суджа — уездном центре Курской губернии, а юность его прошла в Полтаве. «Рос я в интеллигентном обществе, — вспоминал он, — в ближайшем единении с очень молодой, но честно и чисто, самоотверженно и возвышенно настроенной молодежью. Мы интересовались и жизнью, литературой, и политикой и с трепетным волнением следили за начинавшимся социальным движением. Для нашего гимназического кружка, а для меня в частности, это время (70-е гг. XIX в. — *А. Д.*) было тоже свежим, бодрым утром жизни»[4]. Семейство Максимовых происходило из духовного звания. Российские поповичи и семинаристы нередко увлекались революционными идеями; причину современные исследователи обнаруживают в том, что «закулисную сторону религиозной жизни они знали хорошо»[5]. В представлении многих интеллигентных молодых людей, подобных Максимову, участие в «социальном движении» не сочеталось со служением церкви. Следуя духу времени, он страстно увлекся учением Н. Г. Чернышевского (кстати, сына протоиерея, некогда учившегося в семинарии)[6]. Под его влиянием юноша проникся народническими идеями. Роман «Что делать?» стал его настольной книгой, создание ассоциаций наподобие мастерских Веры Павловны представлялось ему достижимой целью. Книга Чернышевского попала в струю общественных настроений; кого-то из молодежи она подтолкнула к нелегальщине, а кому-то помогла осознать необходимость народной самоорганизации. В личности Е. Максимова воплотились социально-типические характеристики, отражавшие присущие народнической интеллигенции черты.

Молодые энтузиасты-идеалисты — Евгений и его старший (уважаемый и авторитетный) брат Павел — развернули пропаганду идеи трудовых ассоциаций среди жителей Полтавы и организовали сапожную артель. Городские кустари бедствовали и охотно согласились на попытку трудиться сообща. 14-летнему гимназисту Евгению Максимову доверили быть казначеем и счетоводом предприятия. На первых порах дело шло успешно. Помогла благотворительница, богатая и знатная дама, которая субсидировала кооперативное начинание; это, а также заинтересованность работников и увлеченность организаторов

обеспечили успех дела. Евгений Дмитриевич спустя почти полвека вспоминал: «Споров и ссор я не помню. Преобладали дружественные доброжелательные отношения. Артель держалась и артельщики не выдавали друг друга. Вместе работали, вместе переживали огорчения, вместе и веселились». В среде артельщиков уважали и ценили Максимова как человека образованного. «Нередко меня просили почитать, — вспоминал много лет спустя начинающий кооператор, — любили исторические статьи»[7]. Полтавские ремесленники тянулись к культуре и проникались уважением к интеллигентам, помогавшим к ней приобщиться.

Приведенный факт стал ключевым в биографии Е. Максимова. Он на практике подтвердил его «книжное» убеждение в том, что трудолюбие и коллективизм — основные, сущностные качества народа. В своих воспоминаниях Максимов будет с восторгом рассказывать о полтавской «истории». Впечатление было настолько сильным, что свою жизнь в конечном счете (не сразу — после ряда перипетий) он посвятит созданию экономических структур, которые будут в наибольшей степени содействовать выявлению и реализации упомянутых выше качеств. Именно в Полтаве он уверовал в действенность кооперативных принципов для изменения сознания людей и на всю жизнь стал убежденным приверженцем и проповедником артельности.

В полтавском кооперативе хозяйственной «самопомощью» дело не ограничилось, и в конце концов некоторые артельщики (включая Павла Максимова) были арестованы полицией за пропаганду революционных идей. Павел Дмитриевич на протяжении нескольких лет, — пока велось следствие — томился в тюрьмах, затем был привлечен к суду на «процессе 193-х» (о революционерах-пропагандистах) и в 1878 г. оправдан. Между тем артель распалась. Двадцатилетний Евгений переехал в Москву, поступил в Московское высшее техническое училище, женился. И тут налаживавшаяся жизнь резко изменилась. Старший брат, радикализации настроений которого серьезно содействовало столкновение с полицейскими беззакониями и судейским произволом, оказал на младшего влияние, убедив его порвать с «мещанским» существованием и «пойти в народ»[8].

Евгений Дмитриевич оставил Москву и многие годы своей жизни посвятил тяжелой учительской профессии в русской «глубинке». Он наладил школьное дело в деревне Демидовка, потом — в уездном центре Суджа Курской губернии, затем — в селе Графовка Полтавской губернии. Наконец, вместе с курским помещиком К. П. Арнольди он организовал на принадлежавшем последнему хуторе Кучеров (рядом с упомянутой Демидовкой) сельскохозяйственное училище, в котором выполнял функции преподавателя и заведующего хозяйством. Выпускники училища налаживали агротехническое дело в хозяйствах помещиков или своих зажиточных родителей, некоторые из них становились учителями. В XX в. кучеровское начинание расширилось и преобразовалось в сельскохозяйственный техникум[9].

Близкое знакомство с крестьянским миром побуждало Евгения Максимова искать пути решения сельских проблем. Уже в начале 1880-х гг. он стал известен как автор статьи о курских сельских школах, был избран гласным Судженского земства. Появился опыт работы в общественном самоуправлении. Обладая аналитическим складом ума, Евгений Дмитриевич начал обобщать накапливаемый опыт в виде новых статей, рассказывавших о состоянии школьного дела на селе и финансовом положении русской провинции. Его известность в земских кругах росла. Евгения Дмитриевича пригласили занять должности секретаря статистического департамента и податного инспектора Терской области. Он переезжает во Владикавказ и много времени и сил отдает изучению экономического положения и особенностей землепользования народов Северного Кавказа. Полученные данные сводились в статистические таблицы, вышедшие в виде двухтомного труда во владикавказском издательстве. Вместе с тем Максимов предпринимает несколько экспедиций по малодоступным местам Дигории (юго-западная часть Осетии) с целью изучения быта местного населения. Бесстрашный путешественник посещал такие малодоступные места, куда приходилось добираться с риском для жизни[10].

Отечественное общество в последние десятилетия XIX в. вышло на путь быстрого социального прогресса; люди умные, деловые и неравнодушные стали цениться на вес золота. В 1892 г. Максимова приглашают в столицу для работы в благотворительном отделении Министерства внутренних дел и в комиссии статс-секретаря К. К. Грота по пересмотру законов общественного призрения. Начинается петербургский период биографии Евгения Дмитриевича. Столичная жизнь манила его прежде всего возможностью реализоваться в сфере увлекавшей его журналистики (в столице находились редакции ведущих изданий). Он стал членом литературных кружков, группировавшихся вокруг журналов народнической политической ориентации — «Новое слово» и «Русское богатство».

Евгений Дмитриевич не затерялся среди демократов, ориентировавшихся на сближение с простым народом, а сумел определить свое место в общественном движении. Его мировоззренческое самоопределение выразилось в том, что он становится убежденным народником-кооперативистом. Рассматривавший кооперативно-артельный прогресс как важное направление улучшения положения народа в условиях капитализма усилиями самого народа, Максимов занялся пропагандой своих идей. Вот далеко не полный перечень периодических изданий, на страницах которых можно было обнаружить его очерки, статьи на кооперативные темы (он выступал под своей фамилией, иногда — под псевдонимом М. Слобожанин и очень редко ставил подпись «Филантроп»): журналы «Наблюдатель», «Русская мысль», «Новое слово», «Юридический вестник», «Экономический журнал», «Народная школа», «Трудовая помощь», «Журнал юридического общества»; а также газеты «Русские ведомости», «Сын отечества»[11]. На рубеже XIX–XX вв. журналист-кооператор внес большой

вклад в дело популяризации движения хозяйственной «самопомощи» и в распространение моды на нее.

Евгений Дмитриевич проповедовал идеи, которые оказались актуальными и востребованными обществом в 1890–1920-х гг. Попытаемся определить их место в истории общественной мысли России. В указанный период страна находилась в напряженном поиске направления своего движения. Сталкивались заклятые враги — поборники консервативной, западнически-либеральной, умеренно-социалистической и леворадикальной парадигм. Мало кому из них приходило в голову отказаться от паттернов однополярного мировосприятия. Противостояние направлений было присуще и школе теоретиков кооперативного движения, представители которой делали ставку на хозяйственную «самопомощь» россиян. В этой школе обнаруживались два течения. Приверженцы одного (сторонники Ф. Лассаля, Н. Г. Чернышевского, большевиков) настаивали на создании с помощью государства широкой сети социалистических производственных ассоциаций-коммун, в которых люди теряли свою собственность и в конечном счете становились безвольными объектами «благотворного» воспитания. Представители второго направления (последователи Г. Шульце-Делича, А. И. Васильчикова) видели выход в образовании так называемых подсобно-производственных кооперативов из сохранивших хозяйственную самостоятельность собственников или держателей наделов; они образовывались в целях осуществления «частичных» экономических функций — пользования кредитом, продажи продукции, закупки техники[12].

Наиболее многочисленной среди приверженцев названного второго (демократического) направления была группа известных энтузиастов крестьянской кооперации — А. В. Чаянов, А. П. Рыбников, С. Л. Маслов, которые позиционировали «самопомощь» как основное средство устойчивости и выживаемости индивидуального крестьянского хозяйства в условиях капитализма. Близкий к ним Е. Д. Максимов относился к числу видных лоббистов демократической кустарно-ремесленной кооперации. Он приобрел славу «творца русской теории промысловой кооперации» и «реформатора артельного дела». Глубоко осознанным следует считать его партийно-политический выбор; после первой русской революции он вступил в партию народных социалистов, программе которой были присущи кооперативистские установки[13].

Мысль Е. Максимова обнаруживала в традициях, свойственных русскому национальному сознанию, истоки движения артельной «самопомощи». Вот какое определение артели он сформулировал: «Основанный на устном или письменном договоре союз нескольких равноправных лиц, большей частью принадлежащих к низшим классам населения, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой и участвующих при ведении промысла трудом или капиталом»[14].

Максимов настаивал на свободе выбора простыми тружениками форм организации артели. Вовсе не обязательно было собирать кустарей под одной

крышей: кому-то нравилось работать сообща и с помощью общих орудий труда (его выбор — производительная ассоциация); а кто-то предпочитал оставаться «индивидуалом», трудился в собственной мастерской и обращался время от времени к помощи коллектива (ему прямая дорога в сырьевое, складочное, подсобно-производительное товарищество)[15]. Такой демократизм не вполне соответствовал духу ригористического времени. Вместе с тем Максимов разработал алгоритм организации обществ «самопомощи»: внесение паев, устройство мастерских, закупка оборудования и сырья, разделение труда, налаживание счетоводства и делопроизводства, проведение общих собраний и организация самоуправления. Главным отличием артельного хозяйства кооператор называл отсутствие хозяина-предпринимателя, капиталиста. «Артель держится содружеством своих членов <...> Сила в единении», — провозглашал Е. Максимов[16]. Им был составлен «артельный катехизис», представлявший своего рода апокриф кооператоров-промысловиков; ученикам кустарных училищ предписывалось запомнить и уметь толковать выработанные в «катехизисе» нормы артельной жизни: «Добровольность, договорность, содружество, сознательность и самодеятельность, сотрудничество, равенство и самоуправление, круговая порука и трудовое начало»[17].

Нравственные требования, предъявляемые к артельщикам, были очень высоки, соответствовать духовному идеалу удавалось далеко не каждому. Поэтому деятели, для которых единственным показателем успеха движения была его массовость, называли теорию Евгения Дмитриевича «утопической»[18]. Тем не менее, хотя артельное движение не получило такого широкого распространения, как потребительская или кредитная кооперация, оно развивалось. Например, известной и успешной в первые три десятилетия XX в. была производительная артель металлистов г. Павлово Нижегородской губернии, объединившая в своих мастерских более 500 кустарей[19]. Немалых результатов в рационализации хозяйства добились петроградские артели — и производительные, и подсобно-вспомогательные [20]. При этом, как представляется, на первых порах Е. Максимов переоценивал склонность отечественных ремесленников к самоорганизации. До XX в. кустарно-кооперативное движение поддерживалось энтузиазмом интеллигентов и благотворительностью отдельных жертвователей. Зато в первые годы данного столетия народная хозяйственная самодеятельность начинает проявляться во всё более выраженных формах и получает содействие со стороны государства, банков, кредитных товариществ, первых кустарных союзов.

С начала 1905 г. Евгений Дмитриевич целиком посвятил себя кооперативной практике, трудился в кредитной кооперации в Курской губернии, в Петербургском отделении Комитета сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ. Приоритетным для него оставалось артельно-промысловое направление. На свои личные сбережения Евгений Дмитриевич наладил издание первых в Европе журналов промкооперации «Вестник кустарной

промышленности» и «Артельное дело». Редакция последнего периодического издания стала вторым домом Максимова, она располагалась в Петербурге в д. 38 по ул. Жуковского — в этом же здании находилась собственная квартира издателя-редактора[21].

Уязвимыми местами кооперации Максимов справедливо считал неналаженность системы ее кредитования, отсутствие увязки в действиях отдельных организаций. Пользуясь своими полномочиями председателя правления Русского торгово-промышленного банка (на эту должность он был избран в 1904 г.), он содействовал организации кооперативного финансового центра — Московского народного банка; членом правления МНБ Максимов был до его национализации большевиками в 1918 г. Евгений Дмитриевич старался наладить координацию действий кооператоров из регионов, он выступил организатором Всероссийского общества содействия артельному делу и стал его председателем. При участии Максимова проходила подготовка Первого всероссийского кооперативного съезда (1908 г.). Он председательствовал на заседаниях и руководил постоянным бюро двух всероссийских съездов кустарно-промысловой кооперации (в 1910 и 1913 гг.)[22].

Е. Д. Максимову уже на первых форумах представителей обществ и товариществ довелось познакомиться с большевистской кооперативной концепцией, в соответствии с которой, по замыслу В. И. Ленина, «рабочий класс чрезвычайно заинтересован в том, чтобы утилизировать кооперативы как орудие своей классовой борьбы»[23]. В частности, эту точку зрения отстаивал на съезде 1908 г. большевистский деятель и председатель петербургского товарищества «Труженик» (будущий член ЦК партии большевиков, провокатор и высокооплачиваемый агент охранки) Р. В. Малиновский, обнаруживший в кооперации прежде всего средство поддержки рабочих в ходе забастовок и локаутов. Тогда Максимов выступил с осуждением самой идеи превращения кооперации в служанку политики и идеологии[24].

В период Мировой войны Максимов лоббировал интересы кооперации и кустарей, являясь членом Петроградской городской думы. Немало времени и сил стало отнимать у него чтение основных лекционных курсов в Петроградском кооперативном институте; его избрали профессором вуза в 1916 г. По сведениям кооперативной печати, этот институт готовил «научно-образованных кооперативных работников, которые могли бы занимать ответственные посты в крупных кооперативных организациях»[25].

В годы Мировой войны кооперативно-промысловое движение переживало настоящий бум. Накапливавшиеся с самого начала века благоприятные предпосылки нашли выражение в увеличении численности кустарных объединений за три военных года почти на порядок[26]. Условия для этого создавались на протяжении многих предшествовавших лет, в том числе энтузиазмом и профессионализмом Е. Максимова и его соратников. Артельный прогресс не мог стать альтернативой нарастанию политических противоречий. Страна

вступила в период «русской смуты». Революция и военный коммунизм — время, когда большевики по существу разрушили кооперацию, ибо огосударствили ее. Максимов встретил это время «маститым, убеленным сединой стариком»[27]. Однако к испытаниям он отнесся по-бойцовски. Вера в кооперацию ни на йоту не поколебалась. Соратников подбадривал девиз, сформулированный их признанным лидером в начале 1920-х гг.: «Идея артельного движения, самодеятельной организации производителей живет независимо от тех или иных практических неудач»[28].

Представительная внешность нашего героя замечательным образом сочеталась с присущими его характеру задором и энергичной деловитостью. В годы революционной смуты Е. Максимов принялся за создание кооперативов точно так же, как сорок лет до того в Полтаве, — с чистого листа. Максимов вместе с кооператором Е. А. Гудковым сагитировали петроградских безработных, ведущих «нищенское существование», объединиться в артели; на первых порах образовался коллектив сапожников. А затем им же удалось добиться создания первого в Петрограде регионального кооперативно-ремесленного центра — Производсоюза.

«Только вера в правильность намеченного пути... вливала в нас бодрость и энергию, помогала преодолевать, казалось, непосильные препятствия в условиях нараставшего, как снежный вал, развала», — читаем в воспоминаниях петроградского кооператора Гудкова[29]. Трудности состояли в том, что власти видели в ремесленниках и кустарях «мелкую буржуазию», «врагов народа» и чинили препятствия их объединениям[30]. В. И. Ленин, упоминая о кустарях, само это слово ставил в кавычки[31]. Между тем Максимову, Гудкову и их соратникам все-таки удалось убедить деятелей региональных властей в классовой благонадежности членов Производсоюза и добиться получения кредитов и сырья от Петрогубкожи, Петрогубодежды и других отделений военно-коммунистических главков. Поскольку свободный рынок был запрещен, частные магазины закрыты и «содержимое их растащено», то свою продукцию (обувь, посуду, санки, ручные тележки и др.) петроградские артельщики сдавали на склады тех же главных комитетов в обмен на продовольственные карточки[32]. В конце концов доверие к Производсоюзу упрочилось, и его труженикам поручили изготавливать экипировку для находившихся на ремонте боевых кораблей. Получаемые за такую работу конину и воблу Производсоюз по справедливости распределял между членами артелей[33]. Промысловые товарищества в военно-коммунистическом Петрограде выжили, и немалую роль в этом сыграли авторитет и харизма Максимова. Хотя рыночные стимулы в условиях военного коммунизма действовать перестали, самоуправление в Производсоюзе сохранялось. Это делало артели более эффективными структурами в сравнении с подчиненными главкам предприятиями.

В 1920-х гг. Евгения Дмитриевича кооператоры величали «артельным старостой»[34]. Он был председателем Совета северо-западного областного

объединения — Артельтрудсоюза, членом правлений петроградского Производсоюза и Всероссийского союза промысловой кооперации, членом учетных комитетов, созданных при переходе к нэпу Банка потребительской кооперации и Всероссийского кооперативного банка. Максимов значительно расширил масштабы преподавательской работы. В Институте народного хозяйства, в Кооперативном институте, на Высших торгово-промышленных курсах профессор читал лекции по теории и истории кооперации. По свидетельству очевидца, «его лекции собирали полные аудитории»[35]. При этом «артельный староста» оставался популярным публицистом. Е. Максимов настаивал на расширении кредитования и авансирования промкооперации преимущественно за счет средств вновь создаваемых кредитных товариществ и обществ; постоянно выступал с предложениями по совершенствованию внутриартельной демократии[36]. Он по-прежнему твердо стоял за добровольность делегирования ремесленниками части производственных функций артельному центру. В эту схему никак не укладывалась будущая «промысловая коллективизация», которая станет на исходе 1920-х гг. составной частью «великого перелома».

В 1920-х гг. Евгений Дмитриевич не оставлял научных занятий. Под псевдонимом «М. Слобожанин» он опубликовал важнейшую для понимания системы его взглядов работу «Опыт обоснования кооперативизма в общем мировоззрении», доказывая в ней, что «перед человечеством вырастает дилемма дальнейшего бытия в форме или публично-правовых союзов, или частноправовых. Развитие первых в форме огромных централистских государств достигло, по-видимому, высших степеней». Столкновение государств-монстров в годы войны привело к десяткам миллионов жертв, — напоминал автор. «Дальше этого идти некуда, — восклицал Максимов, — и на очередь становится вопрос об энергичной защите интересов индивидуальности, о предоставлении ей возможности свободного культивирования ее высших сил». Один из вариантов избавления от опасности профессор видел в развитии кооперативного движения, в создании разветвленной системы разнородных самодеятельных артелей, товариществ, обществ. Такие идеи были очень смелы для своего времени. Редакция журнала «Производсоюз», публикуя сочинение Максимова, предупредила читателей, что не разделяет мировоззрения автора[37].

В то же самое время Максимов оставался постепенновцем. В начале 1920-х гг. он доказывал, что «процесс перевоспитания психологии трудящихся в артельных организациях весьма длителен, и поэтому Россия пойдет к социализму по кооперативному пути длиной в 100–200 лет». Несмотря на расхождение его идей с официальными, в 1922 г. ему присвоили звание Героя труда. Максимов был единственным кооператором Петрограда, удостоенным этого почетного титула. По решению СНК ему назначили пенсию[38]. В середине 1920-х гг. Максимов был избран членом Всероссийского союза промысловой кооперации (Всекопромсоюз). Он занимался разработкой проблем научной ор-

ганизации труда на кооперативно-промысловых предприятиях, часто выступал перед артельщиками, делился опытом.

Известно, что нэп на первом этапе развивался по восходящей и это было время таких людей, как Е. Максимов, всеми силами старавшихся быть проводниками кооперативной демократии. Но во второй половине нэповского десятилетия общественная парадигма изменилась[39]. Для кооперации перелом начался после выступления И. В. Сталина в январе 1927 г. на XV Московской губернской партийной конференции; генсек потребовал, чтобы «кооперативная общественность насаждалась как в городе, так и, особенно, в деревне»[40]. Развернутая партией-государством кампания по такому «насаждению» уничтожала самодеятельную кооперацию. Это не могло не волновать одного из ее творцов и не сказаться на состоянии его здоровья. Ощущалось приближение «великого перелома» с его «промысловой коллективизацией».

Умер Евгений Дмитриевич 25 сентября 1927 г. и был похоронен при огромном стечении пришедших проститься с ним людей — в том числе и рабочих петроградских артелей — на Волковом кладбище, на литераторских мостках; его могила располагалась рядом с могилой Г. В. Плеханова и М. Л. Хейсина[41].

Для отечественных кооператоров артельный староста был патриархом, нравственным авторитетом. В его деятельности воплотилась кооперативная традиция. Биография Е. Д. Максимова — это своего рода история российской артельной «самопомощи» со всеми ее успехами и поражениями. Проповедуя принципы добровольности объединения, взаимной ответственности и общей материальной заинтересованности тружеников, он нередко сталкивался с упреками в идеализме и утопизме. Однако Евгений Дмитриевич не претендовал на универсальность кооперативистских принципов. Они рассматривались Максимовым в качестве фактора самоорганизации части (далеко не большей) членов общества, ценностные установки которых были вполне коллективистскими.

---

1 *Слобожанин М.* Смотр кооперативным силам. По печатным материалам и личным впечатлениям на 1-м Всероссийском съезде кооперативов. СПб., 2009. С. 9, 15, 32.

2 *Петров В. В.* История становления кооперативной мысли в России (1861–1929 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000. С. 5, 6.

3 *Прокопенко З. Т.* Е. Д. Максимов-Слобожанин и В. Е. Евгеньев-Максимов: Из истории российской науки. Белгород, 2002.

4 *Максимов Е.* Отрывки из 50-летних воспоминаний кооператора // Производсоюз. 1922. № 1–4. С. 37.

5 Гражданская война в России (1917–1922 гг.). Взгляд сквозь десятилетия: Сборник материалов научной конференции. Самара, 2009. С. 119.

6 *Максимов Е.* Отрывки из 50-летних воспоминаний... С. 50.

7 *Перелешин В.* Жизненный путь Е. Д. Максимова (Слобожанина) // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 71–72; *Максимов Е.* Отрывки из 50-летних воспоминаний... С. 40, 41.

8 *Прокопенко З. Т.* Е. Д. Максимов-Слобожанин и В. Е. Евгеньев-Максимов. С. 10.

9 Там же. С. 11.

10 Там же. С. 116–118.

[11] Там же. С. 142, 162; *Максимов М.* Из истории и опыта земских учреждений в России. СПб., 1913. С. 5.
[12] См.: *Давыдов А. Ю.* Князь-кооператор А. И. Васильчиков // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 140.
[13] Памяти Е. П. Петрова и Е. Д. Максимова // Вестник промысловой кооперации. 1928. № 5 (58). Май. С. 96; *Надсадный Д. В.* Городская исполнительная комиссия по благотворительности // Революция 1917 г. в России. Новые подходы и взгляды. СПб., 2013. С. 64.
[14] *Филантроп* (*Е. Максимов*). Трудовая помощь. Ее основания, задачи и важнейшие формы. СПб., 1899. С. 101.
[15] Там же. С. 102.
[16] *Слобожанин М.* Артели. Общедоступный очерк. Боровичи, 1920. С. 17, 31, 32.
[17] Там же. С. 12.
[18] Памяти Е. П. Петрова и Е. Д. Максимова. С. 96.
[19] *Халтурин и Ярунин.* Александр Генрихович Штанге // Вестник промысловой кооперации: Ежемесячный журнал. Орган Всероссийского союза промысловой кооперации. 1929. № 8 (73). Август. С. 65.
[20] См.: *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб., 2011. С. 81–95, 156–175.
[21] *Перелешин В.* Жизненный путь Е. Д. Максимова (Слобожанина) // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 71.
[22] Там же. С. 50.
[23] *Ленин В. И.* Вопрос о кооперативах на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 19. М., 1968. С. 345.
[24] *Слобожанин М.* Смотр кооперативным силам. С. 49.
[25] *Надсадный Д. В.* Городская исполнительная комиссия по благотворительности. С. 64; *Перелешин В.* Жизненный путь Е. Д. Максимова (Слобожанина). С. 72; Производсоюз. 1921. № 16–19. С. 54.
[26] *Фарутин И. А.* Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Ученые записки Калининградского государственного университета. Вып. IV. Калининград, 1970. С. 65.
[27] Из юбилейных впечатлений 2-годичной деятельности Производсоюза // Производсоюз, 1920. № 7–9. С. 19.
[28] Петроградский Производсоюз // Бюллетень Всероссийского бюро промысловой кооперации. 1921. № 1. С. 8.
[29] *Гудков Е.* Отрывки из воспоминаний // Производсоюз. 1920. № 3–6. С. 23, 24.
[30] *Генкин Д.* Правовое положение промысловой кооперации // Материалы по вопросам промысловой кооперации. М., 1925. С. 29; Из юбилейных впечатлений 2-годичной деятельности... С. 20, 30.
[31] См.: *Шарапов В. В.* Частный капитал в кустарной промышленности // Вестник промысловой кооперации. 1928. № 5 (58). С. 19.
[32] *Юдин Ф.* Производсоюз за 1920 г. // Производсоюз. 1920. № 10–12. С. 25; *Гудков Е.* Отрывки из воспоминаний. С. 24, 27.
[33] *Гудков Е.* Отрывки из воспоминаний. С. 27; *Малюшицкий В.* Из истории ленинградской промкооперации (Производсоюз в период 1917–1927 гг.) // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 42.
[34] Е. Д. Максимов как писатель // Артельное дело. 1921. № 1–4. С. 50; Хроника «Артельтрудсоюза». Протокол очередного собрания уполномоченных союза союзов промысловой и производительно-трудовой кооперации Северного района // Там же. № 9–16. С. 90.
[35] *Штанге А.* Памяти Евгения Дмитриевича // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 71.
[36] *Максимов Е.* Экспорт кустарных изделий // Вестник промысловой кооперации. 1923. № 2. С. 9; *Максимов Е.* Система мер по кустарной промышленности // Там же. 1925.

№ 11–12. С. 14; *Максимов-Слобожанин Е.* Финансовые и кредитные вопросы в производственной кооперации // Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1925. № 3. С. 13–14; *Максимов-Слобожанин Е.* О реконструкции общих собраний кооперативов // Там же. 1925. № 15–16. С. 23.

[37] Опыт обоснования кооперативизма в общем миропонимании // Производсоюз. 1921. № 16–19. С. 16.

[38] Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 31. Л. 12; *Брянский Н.* В ожидании // Артельное дело. 1921. № 5–8. С. 6; В Ленинграде у юпитерцев. Празднование Международного дня кооперации в производственном кооперативе «Юпитер» // Кустарь и артель. 1925. № 3. 15 июля. С. 3.

[39] См.: *Гимпельсон Е. Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 394.

[40] *Сталин И. В.* Речь на XV Московской губернской партийной конференции. 14 января 1927 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 9. Декабрь 1926 г. — июль 1927 г. М., 1948. С. 156.

[41] *Голиков П.* Похороны Е. Д. Максимова // Вестник промысловой кооперации. 1922. № 10. С. 75.

References

DAVYDOV A. YU. *Knyaz'-kooperator A. I. Vasil'chikov.* [Prince-cooperator A. I. Vasilchikov In Russ.] // Voprosy istorii. 1993. N 8.

DAVYDOV A. YU. *Kooperatory sovetskogo goroda v gody nepa. Mezhdu "voennym kommunizmom" i sotsialisticheskoi rekonstruktsiei.* [Cooperators of the Soviet city in days of the New Economic Policy. Between "military communism" and socialist reconstruction. In Russ.] St Petersburg, 2011.

FARUTIN I. A. *Kharakter i osobennosti kooperativnogo dvizheniya v dorevolyutsionnoi Rossii.* [Character and features of the cooperative movement in pre-revolutionary Russia. In Russ.] // Uchenye zapiski Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. IV. Kaliningrad, 1970.

FILANTROP (E. MAKSIMOV). *Trudovaya pomoshch'. Ee osnovaniya, zadachi i vazhneishie formy.* [Labor help. Its bases, task and the major forms. In Russ.] St Petersburg, 1899.

GENKIN D. *Pravovoe polozhenie promyslovoi kooperatsii* [Legal status of producers' cooperation. In Russ.] // Materialy po voprosam promyslovoi kooperatsii. Moscow, 1925.

GIMPEL'SON E. G. *NEP i sovetskaya politicheskaya sistema. 20-e gody.* [New Economic Policy and Soviet political system. 20th years. In Russ.] Moscow, 2000.

Grazhdanskaya voina v Rossii (1917–1922 gg.). Vzglyad skvoz' desyatiletiya: Sbornik materialov nauchnoi konferentsii. [Civil war in Russia (1917–1922). A look through decades. Collection of materials of scientific conference. In Russ.] Samara, 2009.

MAKSIMOV E. *Otryvki iz 50-letnikh vospominanii kooperatora.* [Fragments from 50-year memoirs of the cooperator. In Russ.] // Proizvodsoyuz. 1922. N 1–4.

MAKSIMOV M. *Iz istorii i opyta zemskikh uchrezhdenii v Rossii.* [From history and experience of territorial establishments in Russia. In Russ.] St Petersburg, 1913.

NADSADNYI D. V. *Gorodskaya ispolnitel'naya komissiya po blagotvoritel'nosti.* [The city executive commission on charity. In Russ.] // Revolyutsiya 1917 g. v Rossii. Novye podkhody i vzglyady. St Petersburg, 2013.

PERELESHIN V. *Zhiznennyi put' E. D. Maksimova (Slobozhanina).* [Course of life of E. D. Maximov (Slobozhanin). In Russ.] // Vestnik promyslovoi kooperatsii. 1927. N 10.

PROKOPENKO Z. T. *E. D. Maksimov-Slobozhanin i V. E. Evgen'ev-Maksimov: Iz istorii rossiiskoi nauki.* [E. D. Maximov-Slobozhanin and V. E. Evgenyev-Maximov: From history of the Russian science. In Russ.] Belgorod, 2002.

SLOBOZHANIN M. *Arteli. Obshchedostupnyi ocherk.* [Artels. Public sketch. In Russ.] Borovichi, 1920.

SLOBOZHANIN M. *Smotr kooperativnym silam. Po pechatnym materialam i lichnym vpechatleniyam na 1-m Vserossiiskom s'ezde kooperativov.* [Review to cooperative forces. On printing materials and personal impressions at the 1st All-Russian congress of cooperatives. In Russ.] St Petersburg, 2009.

Список литературы

Генкин Д. Правовое положение промысловой кооперации // Материалы по вопросам промысловой кооперации. М., 1925.

Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.

Гражданская война в России (1917–1922 гг.). Взгляд сквозь десятилетия: Сборник материалов научной конференции. Самара, 2009.

Давыдов А. Ю. Князь-кооператор А. И. Васильчиков // Вопросы истории. 1993. № 8.

Давыдов А. Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб., 2011.

Максимов Е. Отрывки из 50-летних воспоминаний кооператора // Производсоюз. 1922. № 1–4.

Максимов М. Из истории и опыта земских учреждений в России. СПб., 1913.

Надсадный Д. В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности // Революция 1917 г. в России. Новые подходы и взгляды. СПб., 2013.

Перелешин В. Жизненный путь Е. Д. Максимова (Слобожанина) // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10.

Прокопенко З. Т. Е. Д. Максимов-Слобожанин и В. Е. Евгеньев-Максимов: Из истории российской науки. Белгород, 2002.

Слобожанин М. Артели. Общедоступный очерк. Боровичи, 1920.

Слобожанин М. Смотр кооперативным силам. По печатным материалам и личным впечатлениям на 1-м Всероссийском съезде кооперативов. СПб., 2009.

Фарутин И. А. Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Ученые записки Калининградского государственного университета. Вып. IV. Калининград, 1970.

Филантроп (*Е. Максимов*). Трудовая помощь. Ее основания, задачи и важнейшие формы. СПб., 1899.

А. Ю. Давыдов. Е. Д. Максимов-Слобожанин — теоретик и организатор кооперативного дела в России

Важнейшую предпосылку превращения кооперативных процессов в конце XIX — первые десятилетия XX в. в России в ведущий фактор общественного развития автор обнаруживает в деятельности соотечественников, проникнутых идеей «самопомощи». В их ряду стоял «артельный староста» Евгений Дмитриевич Максимов (Слобожанин). В статье впервые рассматриваются многообразные аспекты его теоретической и организационной деятельности в сфере кооперации. В статье доказано наличие тесной взаимосвязи между народническими воззрениями представителей той среды, из которой вышел и настроения которой усвоил протагонист, и осознанным его убеждением в действенности кооперативных принципов для изменения сознания людей. Научная новизна авторского исследования выражается в выявлении места народнически-кооперативистских взглядов Максимова в общественной мысли. Автор аргументирует утверждения о том, что Евгений Дмитриевич сыграл значительную роль в создании моды на «самопомощь», а также в организации ряда артельных союзов и в подготовке кадров кооперативных работников. Особое внимание уделяется в статье успешным попыткам артельного старосты адаптировать кооперативное движение к новой советской реальности.

Ключевые слова: кооперация, кооперативизм, артели, кустари, товарищества, военный коммунизм, Производсоюз.

A. Yu. Davydov. E. D. Maksimov-Slobozhanin — theorist and organizer of the co-op business in Russia

The author finds the most important precondition of the transformation of the collective motions of the end of XIX — the first decades of XX century in Russia into the leading factor of the social development in selfless activities of compatriots inspired by the idea of “self-aid”. Among those there was a “sub-ranger” E. D. Maximov (Slobozhanin). The article studies different aspects of theoretical and organizational activity in the sphere of cooperation. It is proved in the article the existence of close correlation between people’s views of representatives of the environment, where the protagonist with its ideas came from, and his conscious belief of efficiency of collective principles in changing people’s mind. The author attributes the mode of thought of

E. Maximov as moderate-socialistic. The ideal concept for the protagonist were highly efficient volunteer labor associations which preserved their managemental independency while delegating a part of the functions to their cooperatives — associations of "subsidiary-production" type. The author argues in favor of a significant role of Evgueniy Dmitrievich in creating of "self-aid" fashion, also, organizing a range of collective associations and cooperative stuff training. The article gives special consideration to the sub-ranger's successful attempts to adapt the collective motion to the new soviet reality.

Key words: cooperation, cooperativism, self-help, atels, artisans, war communism, Proizvodsojuz.

Давыдов Александр Юрьевич — д.и.н., профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
Davydov Aleksandr Yurievich — Dr. of Sciences (History), professor of Department of Russian history Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation).
E-mail: davydov.au@mail.ru